

СПЕЦИАЛЬНАЯ РУБРИКА: ЭПОХА НЭПа: КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

SPECIAL SECTION:
ERA OF NEP: CULTURAL AND HISTORICAL DIMENSION

ОТ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА
FROM THE EDITORIAL COUNCIL

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НЭПУ

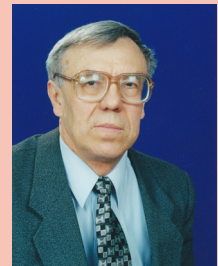
DOI: 10.36343/SB.2021.27.3.000
УДК 94(47+57)“192/193”
ГРНТИ 03.23.55
БАК 07.00.02

Среди актуальных проблем отечественной историографии особое место занимает история Новой экономической политики в Советской России. НЭПу предшествовал глубокий социально-экономический кризис, вызванный административным внедрением политической системы так называемого военного коммунизма. Глубинной сутью последнего был невиданный в мировой практике большевистский эксперимент – попытке прервать эволюционный процесс исторического (капиталистического) развития страны и с помощью командных методов «перейти к коммунистическому производству и распределению» (В. И. Ленин).

Молодая республика с трудом существовала в условиях свертывания товарооборота, обесценивания денег, свертывания кредита и финансов. Все это негативно сказалось на основной массе населения, большую часть которого составляло крестьянство, которое задыхалось от продрозверстки и отсутствия свободной торговли.

Массовые восстания крестьян, волнение рабочих и, наконец, выступление в армии (Кронштадский мятеж 1921 г.) остро поставили перед большевиками дилемму – или потерять власть или перейти к смешанной экономике с использованием плановых и рыночных механизмов. Они выбрали второе, правда с государственным регулированием этой экономики. И НЭП показал, что в условиях плановой экономики рыночный механизм может небезуспешно действовать, если власти учитывают законы товарного производства и интересы большинства населения.

Начавшаяся в постсоветской России конца XX века общественно-экономическая перестройка напомнила о НЭПе трудностями переходного периода. Как и при НЭПе наиболее животрепещущие вопросы преобразований встали в аграрной сфере экономики, в социально-экономической реорганизации села. И здесь нельзя было не вспомнить успешный опыт развития доколхозной сельскохозяйственной кооперации времен НЭПа. Современные фермерские и личные подсобные крестьянские хозяйства все чаще и чаще встраиваются в общественную систему аграрно-капиталистических отношений через кооперацию. Поэтому опыт кооперации времен НЭПа имеет не только исторический, но и практический интерес.

**РАТУШНЯК Валерий Николаевич,
доктор исторических наук, профессор кафедры истории России
Кубанского государственного университета,
заслуженный деятель науки Российской Федерации, член редакционного совета
электронного научного журнала «Наследие веков»,
Краснодар, Российская Федерация**

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО РЕДАКТОРА СПЕЦИАЛЬНОЙ РУБРИКИ INTRODUCTORY REMARKS BY THE SPECIAL SECTION EDITOR

Столетие провозглашения X съездом РКП(б) Новой экономической политики – верный повод обратиться, в ряду прочих сторон этого краткого, но яркого и знаменательного для отечественной истории периода, к проблематике культурной жизни общества тех лет. НЭП означал для Советской России не только отказ от приведшей страну к упадку политики «Военного коммунизма» и возврат к рыночным отношениям, он утверждал и скоро распространявшийся новый «нэпманский» образ жизни – способ приспособления общества и личности к условиям относительной свободы и неопределенности при жестком идеологическом диктате, к странному сочетанию былого имперского и утверждавшегося советского, имевшему культурные последствия и несколько десятилетий спустя, в периоды «оттепели» и Перестройки.

«Культурный слой» тех лет отразил, как в зеркале, все метаморфозы и противоречия этого яркого периода коллективной биографии страны: в быту, моде, этикете, высоком искусстве, литературе, науке и официальной идеологии. Аббревиатура «НЭП» вполне ассоциируется с каждым из разнообразных проявлений эпохи: борьбой с неграмотностью и «сменовеховством»; одержимостью переустройством общества, пропагандой коммунистических идей и формированием громоздкой государственно-бюрократической машины; революционным романтизмом и поиском стиля в искусстве при множестве соперничавших и даже враждовавших творческих групп и ассоциаций; становлением касты «совслужащих» и репрессиями в отношении священнослужителей и старой интеллигенции...

Отдельные аспекты культурно-исторического измерения эпохи НЭПа освещаются в статьях, представленных в этом номере электронного научного журнала «Наследие веков».

Объектом совместного исследования московских ученых А. Н. Дмитриева, К. А. Пашкова и О. Р. Пареньковой стал Красный санпросвет – социально-культурный феномен Советской России 1920-х годов. Анализ массива печатной продукции, произведений литературы и сценического искусства, биографий деятелей санитарного просвещения того времени позволил авторам воссоздать атмосферу «общественно-медицинского дискурса», главной чертой которого было сочетание «социально-инженерных» методов пропаганды достижений науки о здоровье человека с преобразовательными энтузиазмом масс. Красный санпросвет охарактеризован как «гибридное» проявление НЭПа, трансформировавшееся в «огосударственную» санитарную пропаганду 1930-х годов, основными мотивами которой были развитие коллективного производства и поддержание обороноспособности страны.

В статье сотрудника Государственной Третьяковской галереи Д. А. Петровой дан содержательный анализ одного из художественно-идеологических процессов эпохи НЭПа – изменения политики музейного дела, в частности, принципов комплектования собраний художественных музеев. Основываясь на достижениях исследователей русского авангарда и музейного строительства 1920–1930-х годов, на результатах изучения книг учета и документов, хранящихся в отделе рукописей Третьяковской галереи, а также материалов Госархива Российской Федерации, автор характеризует массив поступивших в музей в 1930-х годах произведений авангарда и определяет момент «смены ориентиров» в культурной политике государства и, как следствие – художественной жизни общества, перехода к реализму как основному творческому методу.

Политические мотивы, обстоятельства развертывания и скорого прекращения кампании украинизации в Северо-Кавказском крае, ее этнополитическая природа, итоги и последствия освещены в статье известного краснодарского исследователя эпохи НЭПа А. В. Баранова. Автор, анализирующий историческую действительность с позиций конструктивистской парадигмы, приходит к выводу, что политика украинизации была частью проводившейся партией и правительством политики «позитивной дискриминации» и в целом была направлена на формирование украинской идентичности в южном регионе РСФСР; причинами же ее сворачивания послужили почти повсеместное сопротивление населения и даже служащих органов государственной власти навязыванию украинского литературного языка в противовес бытовавшему русскому языку и местным диалектам, и ряд других причин, главными из которых названы курс на коллективизацию и военная угроза.

Предложенные вниманию профессионального сообщества итоги исследований отдельных сторон НЭПа выразительно обозначают тематическую широту этого феномена отечественной истории и, более конкретно – области его социально-культурных проявлений, результатам изучения которых научный журнал «Наследие веков» намерен и впредь предоставлять свои страницы.

Редактор специальной рубрики В. В. Бондарь

ДМИТРИЕВ Александр Николаевич

кандидат исторических наук, доцент Школы исторических наук
Института гуманитарных историко-теоретических исследований
имени А. В. Полетаева

Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация

Alexander N. DMITRIEV

Cand. Sci. (General History), Assoc. Prof.,
Higher School of Economics,
Moscow, Russian Federation,

alex.n.dmitriev@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0017-1737

ПАШКОВ Константин Анатольевич

доктор медицинских наук, профессор,
заведующий кафедрой истории медицины
Московского государственного стоматологического
университета имени А.И. Евдокимова,
Москва, Российская Федерация

Konstantin A. PASHKOV

Dr. Sci. (History of Science and Technology (Medical Sciences)), Prof.,
A.I. Yevdokimov Moscow State University of Medicine and Dentistry,
Moscow, Russian Federation,

historymed@mail.ru

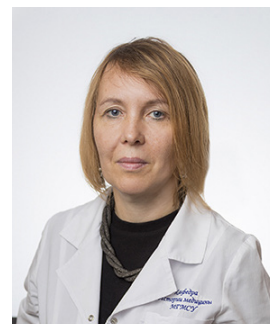
ПАРЕНЬКОВА Ольга Рудольфовна

кандидат медицинских наук, доцент,
заведующая учебной частью
Московского государственного стоматологического
университета имени А.И. Евдокимова
Москва, Российская Федерация

Olga R. PAREN'KOVA

Cand. Sci. (History of Science and Technology
(Medical Sciences)), Assoc. Prof.,
A.I. Yevdokimov Moscow State University of Medicine and Dentistry,
Moscow, Russian Federation,

oparenkova@gmail.com

УДК [374.7:614]:791.16(470+571)"192"
ГРНТИ 13.09.00
ВАК 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2021.27.3.001

Красный санпросвет: медицина, культура, общество в 1920-е годы¹

Red Sanitary Enlightenment: Medicine, Culture and Society during the 1920s²

Статья посвящена специфике санитарного просвещения в 1920-е гг. как гибридного феномена на стыке истории медицины и истории общества. Вслед за Д. Биром и Л. Энгельштайн рассматривается соединение «социально-инженерных» подходов части медицинской интеллигенции с радикальными преобразовательными планами большевиков под знаком науки о человеке и его здоровье. Особенности нэповского общественно-медицинского дискурса были прогрессизм, борьба с религиозными суевериями, атака на социальные болезни (туберкулез, алкоголизм, венерические заболевания) и их причины. В статье рассматриваются стилистические особенности и жанровое многообразие этой пропагандистской продукции: пьесы, агитационные материалы, псевдо-фольклорные тексты (М. Утенков, С. Заяицкий и др.), а также деятельность институтов: музеев медицины и гигиены, Домов санитарного просвещения. Особенное внимание уделяется «национальным» и региональным версиям этого дискурса, его трансформации и формализации уже в 1930-е гг.

Ключевые слова: санитарное просвещение, социальная гигиена, пропаганда, традиционная культура, социальные девиации, история медицинских музеев.

События последних двух лет, ситуация глобальной пандемии сделали проблематику истории медицины, болезней, эпидемий как никогда общественно актуальной. Это сказалось и на определенной переориентации интересов сообщества отечественных историков XX столетия, для которых раньше история врачебного дела (в широком смысле) все-таки не была в фокусе первостепенного внимания. Это относится и к историографии советского общества, включая межвоенный период, где проблемы социально-политического развития продолжают быть приоритетными. В то же время в последние десятилетия сдвиг в сторону «истории снизу» тоже стал очевиден. Одной из таких важных областей для всестороннего осмысления перемен первой половины XX в. стала область социальной гигиены и публичной медицины. Она располагается на стыке истории медицины, культурных представлений, изучения революционных преобразований и массовых настроений, истории

общества и профессиональных экспертиз, конвенций и кружков. Здесь врачебные уставы и образы должного обустройства и поведения близко соприкасаются с разными общественными проектами и социально-политическими программами, а также усвоенными традициями и представлениями медицинского или идеологического плана. В полной мере проявлением и зеркалом таких сдвигов, новаций и преемственности одновременно стала история советской медицинской пропаганды времен новой экономической политики (где прежние дореволюционные темы социальной гигиены и санитарного обустройства переосмыслились уже под знаком борьбы старого и нового быта).

Главные источники, на которые мы опираемся, – это публикации и сводные работы активистов санпросвета 1920-х гг. Методологически в освещении концептуальных сюжетов экспериментальной медицины и биологии ориентиром выступают новаторские

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета Высшая школа экономики.

² The research was carried out within the framework of the Basic Research Program of the National Research University Higher School of Economics.

разработки Н. Л. Кременцова и его коллег [74] [86], сосредоточенные на связях науки, политики и культурных экспериментов межвоенной эпохи.

В плане историографического введения в проблему нужно обратить внимание на итоговые работы конца 1920-х гг., а также юбилейные издания (к годовщинам революции, например) [1] [17]. Но все же подлинно научное изучение этих пропагандистских материалов восходит к послевоенному периоду, когда еще активны и деятельны были и ключевые свидетели, и действующие герои процессов 1920-х гг. [34] [37] [62]. В целом историко-медицинские санпросветительские концепции должны были встраиваться в хронологическую канву «этапов строительства социализма», при этом постепенно все больше внимания уделялось их связи с дореволюционными достижениями, а не только новым советским условиям работы санитарно-просветительских учреждений. В зарубежной историографии этот дореволюционный базис изучен в исследованиях Лоры Энгельштайн [70], а для собственно нэповского периода важно отметить многолетнюю работу Сьюзан Гросс-Саломон, которая детально исследовала особенности советской медицины, делая упор на специфические транснациональные связи и траектории видных советских врачей, исследователей и организаторов в области лечебного дела и профилактики болезней [80] [81] [82]. С 1990-х гг. в новых идеологических условиях трудности и проблемы медицины и санпросвета 1920-х гг. смогли наконец более полно и разносторонне освещаться и в работах российских историков (особенно в связи с «социальной изнанкой» нэпа), обычно на региональном уровне [30] [32] [58] [65]. Кроме того, коллективные работы и монографии 2010-х гг., особенно книга Т. Штаркс, задают современный уровень рассмотрения этих агитматериалов [11] [83] [84]. В настоящее время статьи, выполненные уже во время пандемии в рамках исследовательского проекта Йенского университета (Германия) под руководством профессора И. Я. Полянского, показывают широкий спектр публичной «инсценировки» социально-медицинских проблем 1920-х гг. [73] [77] [78] [79].

Наша задача – показать комплексный характер нэповских вариантов «красного

санпросвета», рассмотрев его в контексте существенных для понимания общественно-медицинских представлений того периода национал-федеративных [75] и историко-музейных реалий, что позволит дополнить проведенные ранее исследования этой темы с точки зрения истории культуры и науки, а также социальной истории.

Бедствия времен Первой мировой войны и эвакуации, приумноженные хозяйственной разрухой и массовыми болезнями (испанка, сыпной тиф и др.) периода гражданской войны, обусловили совсем иное понимание врачебной работы, отличное от характерного для «спокойного» развития времен Пироговских съездов и борьбы за права земской медицины в межреволюционный период [66]. На смену надеждам на «самоорганизацию общестственности» приходит государственная мобилизация (не всегда только большевистская) и реалии разноплановых военно-медицинских задач [18] [43]. Д. Бир и Л. Энгельштайн уже обращали внимание на специфический научно-медицинский, порой и «хирургический» язык социальных метафор, которыми пользовались врачи-«общественники» еще до 1914 г. [72] [70]. Именно такой подход к решению проблемы «социальных болезней» и обусловил сближение целого ряда докторов старой формации с новой властью, на лозунгах которой были написаны вполне просветительские принципы [4] [13]. Можно вспомнить и коллективную биографию сотен и даже тысяч мобилизованных студентов ускоренных университетских выпусков времен мировой войны и молодых врачей (вроде Михаила Булгакова), реализующих себя в резко переменившихся социальных условиях.

Схожим образом переменялись и темы социальной гигиены и санитарного просвещения. Еще в 1913 г. прошедшая в Петербурге с большим резонансом гигиеническая выставка касалась также и принципов организации школьного дела и здоровья детей и подростков, особенно «на местах» [40, с. 556]. Теперь к прежней состязательности и муниципальной активности подключается мотив государственного и общественного принуждения, регулирования под знаком общедоступности, массовизации и эффективности. Область охраны труда, профессиональных заболева-

ний – прежде достаточно узкая – стала (пусть с элементами декларативности) приоритетной для государства [68], а особо акцентированной оказалась субъективная, сознательная сторона жизни прежних социальных низов [3] [71]. Именно в эту зону, на пробуждение «отсталых» или «темных» масс была направлена активность органов санитарного просвещения. Условия не могли измениться вмиг – тем важнее была ставка на перевоспитание «несознательных», профилактику свирепствовавших тогда болезней, включая туберкулез и венерические заболевания. Обращаясь назад, к периоду Гражданской войны популярный драматург уже нэповской поры, пролеткультовец В. Биль-Белоцерковский в популярной пьесе «Шторм» вложил в уста одного из протагонистов-красноармейцев характерную ремарку:

«Вместо того чтобы своих бить, вы лучше вошь бейте. И помирать перестанете. Вошь Деникину и помещикам союзник, от нее зараза идет. Кто этого не понимает, тот балда, сам себе враг!»

Схожими были и мотивы санитарно-пропагандистской составляющей ряда «Окон РОСТА» В. Маяковского. Революционное сближение болезни, классового врага и «старого быта» стало характерной манерой и для новых времен, уже после окончания Гражданской войны.

15–20 марта 1921 г. в Москве состоялось I Всероссийское совещание по санитарному просвещению. Особую тревогу руководителей вызывало отсутствие у населения должного понимания медицинских и одновременно общественных задач, «несознательное отношение к требованиям личной гигиены, результатом чего являются эпидемическое распространение разных инфекций, вшивость как бытовое явление, с сыпняком и возвратным тифом, бытовой сифилис, массовое заболевание трахомой и чесоткой, детская смертность, занимающая первое место в Европе, несознательное отношение к мероприятиям, направленным на оздоровление страны» [41, с. 12] [67]. Неслучайно девизом должна была стать установка «Народное здравоохранение – дело рук самих трудящихся». Акцент делался на повышение активности снизу и не только в режиме пассивного усвоения верных и научно подкрепленных знаний. Это отвечало и уста-

новкам декрета РСФСР «О санитарных органах республики» (от 15 сентября 1922 г.), и документам ежегодных общесоюзных съездов бактериологов, эпидемиологов и санитарных врачей. С красноармейского военно-наступательного модуса санпросвещения должно было переключиться на культурнический, переходя от борьбы с острыми и явно-грозными эпидемиями в затяжное противодействие давним социальным заболеваниям и привычками.

Ключевыми фигурами для санпросвета на официальном уровне были заместитель наркома здравоохранения Николай Александрович Семашко (1874–1949) и руководитель Российского общества Красного Креста Зиновий Петрович Соловьев (1876–1928). Выпускница Бестужевских курсов Софья Николаевна Волконская (1889–1942), работавшая на высоком посту в Мосздравотделе, была редактором многих изданий медицинского профиля, часто совместно с врачом Фроимом Юдовичем Берманом, который, в свою очередь, являлся автором «досанпросветовских» брошюр [8]. В 1928 г. С. Н. Волконская стала инициатором создания Московского областного института санитарной культуры и возглавляла его до 1939 г. [22].

Исследователи уже обращали внимание на такой яркий элемент нового типа профилактической и «гигиенической» пропаганды нэповской эпохи, как театры санпросвета. Недавно были опубликованы документы Российского государственного архива научно-технической документации, касающиеся развития этих учреждений [35] с середины 1920-х гг. в рамках не только Московского санпросвета, но уже и всей страны, включая Украину и национальные республики (в материале отмечена в том числе роль первого директора театра А. З. Народецкого). Еще до московского театра соответствующие пьесы и сцены ставили в «художественно-сан-просветительной студии» актрисы и театрального педагога Ольги Владимировны Рахмановой (1871–1943).

Как правило, сочинения для таких театральных коллективов писали люди, профессионально связанные с медициной. Характерными были сочинения профессора-медика Михаила Дмитриевича Утенкова (1893–1953), тогдашнего начальника ленинградского Санпросветотдела Главного санитарного

управления РККА – «В тумане», «Погибшие создания», «Порт» (1923–1924 гг.) [6]. Большинство санпросветовских пьес посвящались бытовым, «обывательским» сюжетам и описывали поучительный путь слишком поздно прозрения «типичных» и довольно узнаваемых главных героев. Они вовремя не обращались к современным правилам лечения или не консультировались с врачом, «запуская» свои болезни, порой безнадежно (как, например, в изданной в Нижнем Новгороде пьесе А. Шапиро и О. Кудро «Четыре креста», название которой отсылает к резко положительной реакции Вассермана). В этих пьесах попытки скрыть симптомы «нехорошего заболевания» или лечиться «дедовскими методами» только запутывают и усугубляют ситуацию, за что героев неизбежно ждет расплата – нездоровый ребенок, заразившиеся ни в чем не повинные домашние, «поломанная» жизнь.

«Гримасы нэпа», теневые стороны городской или деревенской жизни (беды проституток, сифилисный или туберкулезный быт, пьянство – в целом «нездоровая среда») в этой новой нравоучительной литературе показаны довольно ярко и детально, еще без соцреалистического глянца [29]. Нередко пьеса становилась частью лекционного мероприятия с более привычным нам научным содержанием, а докладчиком мог быть доктор из просмотренного представления.

Помимо выпусков популярных брошюр, тематической художественной литературы, пьес и книжечек малого формата, более специализированными и рассчитанными на вполне профессиональную аудиторию были публикации в профильных журналах, особенно методические материалы шести выпусков «Теории и практики санитарного просвещения» (1925–1928 гг.). Они выходили под общей редакцией С. Н. Волконской в 1924–1928 гг. с приложением обширной библиографии и отличались разносторонним обсуждением возникавших проблем – от выставочной техники до поисков «обратной связи» с публикой. На исходе 1920-х гг. в специализированных журналах также обсуждались вопросы эффективности этой санитарной пропаганды, способы ее «замера» и оптимизации порой теми же профессиональными сочинителями историй для массового распространения [12] [60] [61].

Особенно стоит отметить широкий географический охват нового санпросвета. В середине 1920-х гг. издаются работы кавказских популяризаторов (где антураж и тематика в целом очень схожа с российскими, но добавляется местный колорит) [49]. Важна и интересна работа И. К. Сейфульмулюкова по опыту санпросвещения среди коренного населения Средней Азии, содержащая ряд ценных наблюдений о специфике усвоения новых типов знания в обществе вполне традиционного склада [50]. В журнале «Медицинская мысль Узбекистана» он также пытался противопоставлять народных медиков-костоправов (табибов) современной медицине. Но в целом главной тактикой было избрано не столько безоговорочное опровержение «старого» знания как отсталого, сколько внимание к тому, как научные сведения об устройстве человеческого организма, анатомии и физиологии сосуществуют в жизни современного дехана с прежними взглядами и представлениями [51] [36]. Столкновение двух миров, с упоминанием местного Дома санпросвета с его стандартно-скудной коллекцией [23] иронически отразилось и в среднеазиатском эпизоде «Золотого теленка» И. Ильфа и Е. Петрова. Отчасти схожими были описания быта бурят в рамках изучения сифилиса в экспедициях конца 1920-х гг. [5]. Стоит обратить внимание, что, несмотря на политику коренизации и продвижения местных языков, русский язык оставался универсальным средством научной коммуникации, а также профилактики и пропаганды нового здорового образа жизни в республиках СССР.

Широкая востребованность врачей в новосозданном СССР, открытие высших и средних медицинских школ в регионах еще во время Гражданской войны сопутствовали росту мобильности высококлассных специалистов-медиков, среди которых были и энтузиасты санпросветительской работы. Показательна активность в деле организации и развития местных санпросветтеатров врача Александра Ранова на Урале и Украине на протяжении 1920-х гг. [45] [42].

Как эта культурная сфера была обустроена в жанровом плане? Мы вслед за рядом исследователей уже отметили черты тривиализации санпросветительного репертуара,

его шаблонности (как своего рода развлекательной иллюстрации к базовой лекционной работе). Безусловно, мы имеем дело с явлениями не столько массовой, сколько низовой культуры; авторы ее сознательно и целенаправленно использовали фольклорные элементы: раешный стих, частушки (особенно в антиалкогольной пропаганде), народных персонажей вроде Петрушки-«ведущего». Вообще санитарное дело в 1920-е гг. было сферой, где активно использовались инструменты не просто прямой дидактики, но «завлечения», рекламы, отвоевания массового зрителя или читателя у вредных, «антиобщественных» форм проведения досуга (у того же алкоголя) – отсюда обилие в выставочных и типографских санпросветительных материалах тех лет игр, шарад, ребусов, помимо чаще рассматриваемых пьес или представлений [38] [39]. Активность реципиента всячески стимулировалась и не сводилась к простому усвоению готового образа – в союзники привлекалась и литературная традиция, и сценические приемы, и изобразительная инновативность [59]. Так, в массовых изданиях санпросветительных пьес нередко указания на желательный характер постановки, наличие режиссерских «подсказок», советы избегать утрировки и ходульности [12]. Даже материалы инсценированных судов (над нерадивыми матерями, проститутками, заражающими клиентов) несколько усложняются по сравнению со схожими публикациями времен Гражданской войны.

Наличие и утверждение новых форм и методов санпросвещения не перечеркнуло старых традиционных: в 1919 г. в Петрограде на основе материалов упомянутой нами предвоенной санитарно-гигиенической выставки смог открыться и затем успешно работать Музей гигиены (в бывшем особняке Шувалова, потом – здании Министерства юстиции), также пополнялись в годы нэпа фонды медицинских музеев вузов и профильных учреждений. Как показывают, в частности, работы Е. Шерстневой и других исследователей [66] [67], музеи тогда обладали более сложными и исторически богатыми коллекциями, нежели передвижные и нередко стандартные экспозиции региональных Домов санпросвета (там первенство открытия и размещения выставок

принадлежало скорее регионам – Ярославлю, Смоленску, Харькову, а не «избалованным» столицам). Дома санпросвета были ближе к клубам и за счет своей библиотеки и серий лекций похожи на избы-читальни в сельской местности с их политическим назначением, помимо образовательного (к 1928 г. таких Домов было более семидесяти) [19]. В 1919 г. в Москве на базе Социального музея имени А. В. Погожева – санитарного врача и статистика – и Музея Общегородской больничной кассы был сформирован Музей социального обеспечения и охраны труда. В том же году открыт Государственный Музей социальной гигиены Наркомздрава РСФСР, руководителем его стал Альфред Владиславович Мольков (1870–1948), прежний глава Пироговской Комиссии по распространению гигиенических знаний среди населения. А. В. Мольков в годы нэпа написал две книжки о медико-этнографическом исследовании двух кавказских народов [16] [24].

К делу санпросвета подключались и общественные организации (комсомол, пионерия); неслучайно использование свойственных им образов агитации (так называемая «живая газета» [53], представления синезубников) и близость к стилю политагитации «за новый быт», особенно в деревне [85]. Привлечение ресурсов детской литературы сказалось на мобилизации младшего поколения против вредных привычек взрослых, особенно курения и пьянства (характерна для нэповской эпохи брошюра «Поход на взрослых» [69]).

Одним из способов бороться за права и здоровье детей и взрослых стала активизировавшаяся в конце 1920-х гг. психогигиеническая работа по линии санпросвета [15] (пропаганда «здоровья нервов» [7], где уже тогда активно работал психиатр Израиль Бергер (1895–1962)), об этой сфере в последние годы написано немало интересного [52] [76]. Для того времени важна близкая уже к реалиям наших дней попытка отказаться от привычных практик приветствия вроде рукопожатия по санитарно-гигиеническим причинам (она отразилась и в пьесе «Клоп» В. Маяковского). С точки зрения гиперрациональных установок «нового быта» конца 1920-х гг. российский или московский обыватель со своей тягой к

привычному оказывался по своей «косности» или высмеиваемой в газетах и брошюрах нелепости не слишком отличен от узбекского декханина. Еще одна важная «красная» нота, мировоззренческий лейтмотив этого санпросвета, отличный от более ограниченных установок только на профилактику болезней как в дореволюционный период, так во многом и в 1930-е гг., – борьба со знахарством и суевериями, акцентирование реальных объективных причин любых недугов (вместо «божьей кары»), ориентир на моральные поиски «нового человека», в конечном счете – утверждение атеизма [42] [86].

Подводя итог анализу культурной составляющей нэповского санпросвета, стоит еще раз отметить его «полистилистику», несводимость только к дурновкусию или заказной «халтуре». Геофизик, разделяющий многие увлечения Серебряного века, Давид Арманд (1905–1976) в конце жизни колоритно иронически описывал свои юношеские годы, проведенные в педагогической колонии первой половины 1920-х гг. Там тоже ставили самодельные санпросветительные спектакли в духе символистского театра – например «Хламида-Монада». Позволим привести обширную, но показательную цитату:

«В связи с необычайными успехами медицины в царстве “нимфозорий” наступила паника. Собравшись в кружок, гонимые и преследуемые нимфозории горестно поют:

*О гонококк мой, гонококк,
Тебя сгубил жестокий рок!
О спирохета, спирохета,
Ты пала жертвой санпросвета!*

Среди нимфозорий находится герой, Хламида-Монада (был представлен в виде красивого юноши, жениха другой нимфозории – в виде девушки), который берется победить и разгромить человечество. Но как это сделать такому ничтожному микроскопическому существу? Хламида-Монада отправляется в лабораторию профессора Резерфорда, пролезает в тубус микроскопа снизу вверх и увеличивается в тысячи раз. Он является перед ученым в виде огромного чудовища и, приставив ему нож к горлу, требует, чтобы он освободил атомную энергию, которая

находится у него в заточении. Напуганный Резерфорд отпирает темницу (шкаф со столярными инструментами), выводит атомную энергию и отпирает наручники с ее рук. Раздается страшный взрыв (4 человека били в кастрюли), в зале гаснут коптилки, и человечество (зрители) погибает под грудой обломков Вселенной (с хор и из терема зрительный зал бомбили дождем подушек). Режиссер... сказал короткую речь, что кто не понял вещице смысла представленной драмы, может отнести это на счет своего несовершенного понимания» [2, с. 205]. Внимание к вопросам пола, их рационализация и медицинализация – еще одна из примет времени и момент преемственности со спорами и настроениями предреволюционного десятилетия.

Мелодраматика и обработка традиционного репертуара отсылали к схемам назидательных постановок «классического века» и школьных театров, а не только представлений для широкой полуграмотной публики с антиалкогольными частушками. Такая продуманная работа с заказной темой характерна для «пролетарских» или санпросветных пьес Сергея Заяицкого (1893–1930), талантливого драматурга и переводчика из круга Михаила Булгакова. В духе разоблачения «старого быта» и утверждения здоровья, душевного и телесного, написаны его драмы «Жизнь приказывает» (1928 г., в числе редакторов значились Ф. Ю. Берман и С. Н. Волконская), «Простая мудрость», «Таинственные письма» (обе 1930 г.). Сын университетского приват-доцента, известного специалиста по онкогинекологии и одновременно увлеченного музыканта-гитариста С. С. Заяицкого (1850–1910), он был автором многих детских произведений, псевдопереводной прозы и ценимой, в частности М. Горьким, трагикомической повести «Жизнеописание Степана Александровича Лососинова» (1928). С детства страдавший костным туберкулезом С. Заяицкий был горбат и при том, по мемуарным свидетельствам, сохранял добродушие и насмешливость, характерные и для его сочинений [27].

Важной особенностью выразительности «красного санпросвета» стало использование, помимо театра и представлений, визуальных методов: плаката [9], лубка [20], выставки, но не иллюстрированного журнала, например.

Также довольно быстро стали применять в медицинско-просветительных целях возможности нового медиа (кино) с его специфической аудиторией. Напечатанный в 1923 г. вполне сангигиенический «Мойдодыр» Корнея Чуковского носил характерный подзаголовок «кинематограф для детей». Показателен выполненный в 1927 г. аннотированный каталог соответствующих образовательно-научных фильмов [57]. Далекое не случайной была фигура его составителя – психиатра Лазаря Сухаребского (1899–1986). Тесно связанный с аналитическим изучением кино как особого рода искусства и вида знания Л. Сухаребский интересен и своим литературным дебютом. В начале 1920-х гг., на заре нэпа, он принадлежал к недолго существующей, но громко заявившей о себе группе «ничевоков», близких к опыту европейского дадаизма [26]. Что очень любопытно – в эту же группу входил и Александр (Аэций) Ранов (1899–1979), энтузиаст уральского и украинского санпросвета, уже упомянутый ранее в нашей статье [44]. Было ли это общее «нигилистическое» прошлое случайным для биографии этих деятелей? Опубликованные Ильей Кукуем поздние воспоминания А. Ранова, работавшего в санпросвете Кургана и в 1970-е гг. [46], показывают вполне отретифицированную позицию молодых русских адептов тогдашних европейских умонастроений [26] [47]. Переход от всеотрицания к будничной оргаботе с болезнями, микробами и их культурными репрезентациями оказался в чем-то сродни нэповскому трезвому и напористому духу «новой деловитости» (по имени влиятельного европейского художественного течения, пришедшего на смену дадаизму к середине 1920-х гг.).

Интересно, что в плане идейных комбинаций эти прагматические устремления оказались долговечней литературных проб «старших», вроде Михаила Утенкова – руководителя региональной санитарной службы Красной армии [63]. Но важно отметить, что его раешные монологи даже вошли в антологию «петрушечного» нового фольклора, который подготовили на исходе нэпа совместно двое молодых ученых: историк древнерусской литературы И. П. Еремин и будущий специалист по культуре времен недавней «Великой войны» О. В. Цехновицер [33]. Сознательность

тогда виделась главным ручательством «нового быта», о котором с энтузиазмом писали в то время левый сменовеховец и старый народник В. Г. Тан-Богораз и его ученики [54]. Но прежняя советская сознательность, понимаемая как лояльность и профессионализм, оказалась недостаточной при новом повороте политического курса на переломе 1920-х и 1930-х гг.

Для этого поворота в описываемой области характерны мобилизационные установки реконструктивного периода (применительно к медицине), отказ от прежних свободных театральные средств пропаганды, ставка на специализацию и отказ от «излишеств». Неслучайными были и кадровые перемены, в частности уход Л. Боголеповой с поста руководителя Института профзаболеваний имени В. А. Обуха в 1931 г., свертывание прежних интернациональных связей, особенно с Германией [25]. Наряду с «узко понятым» санпросвещением главным становится диспансеризация работающего населения (с выявлением рисков и акцентом на обязательную профилактику, а не на желательную «самоперековку») [31] [48]. Время экспериментов в культуре, стилях жизни и коммуникативных формах (как и с эсперанто, толстовским учением, вегетарианством и т.д.) приходит к концу. Под редакцией прежних авторитетов, Ф. Ю. Бермана и С. Н. Волконской, выходит уже не свод разноплановых материалов (как раньше) с обобщением местного опыта, но инструктивное пособие – объемистый учебник авторства К. В. Лапина по санитарно-просветительскому делу для среднего медперсонала [28]. Даже деятельность Обществ Красного Креста огосударвляется максимально – вместо страха личной болезни или семейных бед двигателем санитарной пропаганды становится теперь участие в коллективном производстве и особенно обороне (в 1930-е гг. в СССР развивалась система БГСО – «Будь готов к санитарной обороне») [14].

Отражением новой литературной проекции медицины стал роман-трилогия «Открытая книга» – масштабное сочинение послевоенных лет Вениамина Каверина, однокашника О. Цехновицера по псковской гимназии. Одним из прототипов героев был, как известно, брат писателя – микробиолог Лев Зильбер. Он

в середине 1960-х гг., незадолго до смерти, напечатал в журнале «Наука и жизнь» воспоминания о подавлении вспышки чумы в Закавказье в начале 1930-х гг., напомнив о важности учета специалистами «вредных суеверий» и «пережитков» [21]. Производственный крен и сворачивание популярных ранее низовых инициатив очевидны по публикациям активистов прежнего санпросвета 1931–1933 гг.: М. Д. Утенков развивает методики непрерывного культивирования микроорганизмов, Ф. Ю. Берман и Я. Н. Трахтман переключаются на стандартизованные руководства и санитарные инструкции для рабочих коллективов. В 1937 г. С. Н. Волконская была назначена заведующей сектором санитарной культуры и пропаганды Народного комиссариата здравоохранения СССР, но время расцвета новых культурных форм осталось позади [64].

В годы Великой Отечественной войны внимание закономерно вернулось к начинаниям Московского театра санпросвета. Тут важным был вклад ранее репрессированной Екатерины Гордеевны Кармановой (1897–1971), директора Института санитарного просвещения, которая добивалась включения в репертуар театра, в частности, переработок В. Маяковского и «Мнимого больного» Ж.-Б. Мольера. В

связи с созданием в 1944 г. Академии медицинских наук, ее деятельностью и с последовавшей критикой «культы личности» Сталина ситуация стала меняться. Отказ от былых экспериментов перестает быть главной формой обращения со своим прошлым. Люди с санпросветовским опытом 1920-х гг. – академик АМН Илья Давыдович Страшун (1892–1967) [55] [56], биограф и соратница С. Н. Волконской Людмила Сергеевна Боголепова (1899–1979) [10] – теперь могут внести решающий вклад в формирование советского историко-медицинского канона. Для восстановления преемственности с дореволюционной прогрессивной традицией и сохранения памяти о 1920-х гг. важным стало воссоздание в 1978 г. давно «свернутого» московского Музея гигиены труда и профпатологии. Интерес к периоду нэпа, возросший во времена перестройки, и последующая либерализация позволили объективно, без идеологических установок советского строя, изучать богатую неожиданными идеями историю санпросвета и публичной медицины в СССР. «Красный санпросвет» и сейчас представляется характерным «гибридным» проявлением сложного, многомерного и поучительного, несмотря на относительную краткость, нэповского периода.

Alexander N. DMITRIEV

Cand. Sci. (General History), Assoc. Prof.,
Higher School of Economics,
Moscow, Russian Federation,
alex.n.dmitriev@gmail.com
ORCID: 0000-0002-0017-1737

Konstantin A. PASHKOV

Dr. Sci. (History of Science and Technology (Medical Sciences)), Prof.,
A.I. Yevdokimov Moscow State University of Medicine and Dentistry,
Moscow, Russian Federation,
historymed@mail.ru

Olga R. PAREN'KOVA

Cand. Sci. (History of Science and Technology
(Medical Sciences)), Assoc. Prof.,
A.I. Yevdokimov Moscow State University of Medicine and Dentistry,
Moscow, Russian Federation,
oparenkova@gmail.com

Red Sanitary Enlightenment: Medicine, Culture and Society during the 1920s

Abstract. The article examines the specificity of sanitary education and propaganda in the 1920s as a hybrid phenomenon between the history of medicine and the history of society. To understand the specificity, one must refer to the history of cultural ideas and of mass sentiments in the post-revolutionary times, to the study of professional examinations, scientific conventions and academic as well as literary circles. Following D. Beer and L. Engelstein, the authors consider the combination of “social engineering” approaches of a part of the medical intelligentsia with the radical transformative plans of the Bolsheviks – under the sign of the science of man and their health. The features of the NEP social medical discourse were progressivism, the fight against religious superstitions, the attack on social diseases (tuberculosis, alcoholism, venereal diseases) and their origins. The authors analyse (1) the stylistic features and genre diversity of this discourse: plays, propaganda materials, pseudo-folklore texts (M. Utenkov, S. Zayitsky, et al.); (2) the activities of institutions: museums of medicine and hygiene, houses of sanitary education; (3) the biographies of the psychiatrist Lazar Sukharebsky (1899–1986) as the editor of a catalog of educational and scientific medical films and Alexander (Aetius) Ranov (1899–1979), a prominent enthusiast of sanitary education in the Ural region and in Ukraine. In the early 1920s, at the dawn of the NEP, both Sukharebsky and Ranov belonged to a short-lived yet assertive group “Nichevoki”, which was close to the experience of European Dadaism. The recipient’s activity was stimulated in every possible way and was not limited to a simple assimilation of the finished image – the literary tradition, stage techniques and visual innovation were attracted as allies. Mass publications of sanitary education plays often included guidelines on the desirable format of the stage version, “tips” for the director, advice to avoid exaggeration and stiltedness. The authors pay particular attention to the “national” and regional versions of this discourse, its transformation and flattening already in the 1930s. After the end of the NEP, the activities of the Red Cross Societies were maximally nationalized – participation in collective production, and especially defence, rather than the fear of illnesses of a person or their family, became the engine of sanitary propaganda. “Red sanitary enlightenment” still seems to be a characteristic “hybrid” manifestation of the complex, multidimensional and instructive, though relatively short, NEP period.

Keywords: sanitary enlightenment, social hygiene, propaganda, traditional culture, social deviations, history of medical museums.

Использованная литература:

1. 50 лет советского здравоохранения (1917–1967 гг.). М.: Медицина, 1967.
2. Арманд Д. Путь теософа в стране Советов. М.: Аграф, 2009.
3. Арсентьев Е. В., Решетников В. А. К биографии Н. А. Семашко // История медицины. 2018. № 3. С. 447–460.
4. Байрау Д., Левинсон К. Большевицкий проект как план и как социальная практика // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 353–384.
5. Башкуев В. Ю. Советские врачебные репрезентации традиционного быта бурят в контексте кампании против социальных болезней (1920-е – начало 1930-х гг.) // *Oriental Studies*. 2018. Т. 11. № 2. С. 47–58.
6. Белокрысенко С. Жизнь и смерть ученого в СССР. Профессор Михаил Дмитриевич Утенков (1893–1953). Попытка расследования // *Наука и жизнь*. 2014. № 10. С. 56–61.
7. Бергер И. А. К методике психосанитарного просвещения // *Психогигиенические и неврологические исследования*. Том II. Вып. I. Психогигиена / под ред. Л. М. Розенштейн. М.: Изд-во ГНИНПП, 1930. С. 139–156.

References:

1. Meditsina. (1967) *50 let sovetskogo zdavoookhraneniya (1917–1967 gg.)* [50 Years of Soviet Health Care (1917–1967)]. Moscow: Meditsina, 1967.
2. Armand, D.L. (2009) *Put' teosofa v strane Sovetov* [The Theosophist's Way in the Land of Soviets]. Moscow: Agraf.
3. Arsent'ev, E.V. & Reshetnikov, V.A. (2018) *K biografii N.A. Semashko* [To the Biography of N.A. Semashko]. *Istoriya meditsiny*. 3. pp. 447–460.
4. Bayrau, D. & Levinson, K. (2002) *Bol'shevistskiy proekt kak plan i kak sotsial'naya praktika* [The Bolshevik Project as a Plan and as a Social Practice]. *Ab Imperio*. 3. pp. 353–384.
5. Bashkuev, V.Yu. (2018) *Sovetskie vrachebnye reprezentatsii traditsionnogo byta buryat v kontekste kampanii protiv sotsial'nykh bolezney (1920-e–nachalo 1930-kh gg.)* [Soviet Medical Representations of the Traditional Life of the Buryats in the Context of the Campaign Against Social Diseases (1920s – Early 1930s)]. *Oriental Studies*. 11 (2). pp. 47–58.
6. Belokrysenko, S. (2014) *Zhizn' i smert' uchenogo v SSSR. Professor Mikhail Dmitrievich Utenkov (1893–1953). Popytka rassledovaniya* [Life and Death of a Scientist in the

8. Берман Ф. Суд над нерадивым и неряшливым красноармейцем. Ростов н/Д: Политуправление СКВО, 1921.
9. Бернштейн Ф. Представления о здоровье в революционной России: тендерная политика в плакатах по половому просвещению в 1920-е годы // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме. М.: Вариант, 2009. С. 215–244.
10. Боголепова Л. С. С. Н. Волконская: Научная и методическая деятельность по санитарному просвещению. М.: Институт санитарного просвещения, 1966.
11. Большакова О. В. Формирование нового человека: биомедицинские науки в России XX века (современная англоязычная историография) // Наука в СССР: современная зарубежная историография: сб. обзоров и рефератов. М.: Ин-т науч. инф. по обществ. наукам, 2014. С. 47–80.
12. Броун М. В. Десять лет санитарного просвещения в Ленинграде // Ленинградский медицинский журнал. 1927. № 8–9. С. 88–103.
13. Бугров К. Д. Социальная инженерия советской власти // Границы и маркеры социальной стратификации России XVII–XX вв.: векторы исследования. СПб.: Алетейя, 2018. С. 265–314.
14. Воронина Т. Советский Красный Крест и борьба за «новый советский быт» в 1930-е гг. [Электронный ресурс] // История повседневности. URL: <http://www.el-history.ru/node/328> (дата обращения: 22.05.2021).
15. Громбах В. А. Как трудящимся бороться за здоровые нервы: (Психогигиена и психопрофилактика труда и быта) / под ред. Ф. Ю. Бермана. М.: Изд-во Мосздравотдела, 1929.
16. Даргинцы / ред. А. В. Мольков. М.; Л.: Гос. мед. изд-во, 1930.
17. Десять лет Октября и советская медицина (1917–1927 гг.) / под ред. Н. А. Семашко. М.: Изд-во Наркомздрава РСФСР, 1927.
18. Еремеева А. Общий враг красных и белых – тиф // Родина. 2020. № 6. С. 126–129.
19. Ершов В. С. Дом санитарного просвещения и его работа. М.: Изд. института санитар. просвещ., 1949.
20. Житомирский В., Островский А. Семь зараз ульем зараз: санитарный лубок в 2-х картинах. М.: Жизнь и знание, 1926.
21. Зильбер Л. А. Операция «Руда» // Наука и жизнь. 1966. № 12. С. 55–63.
22. Игнатова А. И. Новые архивные материалы к биографии С. Н. Волконской – основателя и первого директора Московского областного института санитарной культуры // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова: материалы науч. конф. (г. Москва, 19–23 марта 2018 г.). М.: Янус-К, 2018. С. 111–114.
23. Идзон М. «Дядя Санпросвет идет...» // Огонек. 1930. 10 марта. № 7. С. 13.
24. Калмыки. Исследование санитарного состояния и запаса жизненных сил / ред. А. В. Мольков. М.; Л.: Госиздат, 1928.
25. Кирик Ю. В., Ратманов П. Э., Шеноева П. А. Институционализация социальной гигиены в Советской России в 1920–1930-х годах в международном контексте // Дальневосточный медицинский журнал. 2020. № 1. С. 85–94.
- USSR. Professor Mikhail Utenkov (1893–1953). Attempt of Investigation]. *Nauka i zhizn'*. 10. pp. 56–61.
7. Berger, I.A. (1930) K metodike psikhosanitarnogo prosveshcheniya [To the Method of Psychoanitary Education]. In: Rozenshteyn, L.M. (ed.) *Psikhogigienicheskie i nevrologicheskie issledovaniya* [Psychohygienic and Neurological Research]. Vol. 2 (1). Moscow: Izd. GNINPP. pp. 139–156.
8. Berman, F. (1921) *Sud nad neradivym i neryashlivym krasnoarmeytsem* [The Trial of the Negligent and Sloppy Red Army Soldier]. Rostov-on-Don: Politupravlenie SKVO.
9. Bernstiy F. Predstavleniya o zdorov'e v revolyutsionnoy Rossii: tendernaya politika v plakatakh po polovomu prosveshcheniyu v 1920-e gody [Perceptions of Health in Revolutionary Russia: Gender Policy in Sex Education Posters in the 1920s]. In: Yarskaya-Smirnova, E.R. & Romanov, P.V. (eds) *Vizual'naya antropologiya: rezhimy vidimosti pri sotsializme* [Visual Anthropology: Modes of Visibility Under Socialism]. Moscow: Variant. pp. 215–244.
10. Bogolepova, L.S. (1966) *S.N. Volkonskaya: Nauchnaya i metodicheskaya deyatel'nost' po sanitarnomu prosveshcheniyu* [S.N. Volkonskaya: Scientific and Methodological Activity in Sanitary Enlightenment]. Moscow: Institut sanitarnogo prosveshcheniya.
11. Bol'shakova, O.V. (2014) Formirovanie novogo cheloveka: biomeditsinskie nauki v Rossii XX veka (sovremennaya angloyazychnaya istoriografiya) [Formation of a New Person: Biomedical Sciences in Russia of the Twentieth Century (Modern English-Language Historiography)]. In: Bol'shakova O.V. (ed.) *Nauka v SSSR: Sovremennaya zarubezhnaya istoriografiya: Sb. obzоров i referatov* [Science in the USSR: Modern Foreign Historiography: Reviews and Abstracts]. Moscow: INION RAS. pp. 47–80.
12. Broun, M.V. (1927) Desyat' let sanitarnogo prosveshcheniya v Leningrade [Ten Years of Sanitary Enlightenment in Leningrad]. *Leningradskiy meditsinskiy zhurnal*. 8–9. pp. 88–103.
13. Bugrov, K.D. (2018) Sotsial'naya inzheneriya sovetskoy vlasti [Social Engineering of Soviet Power]. In: Arakcheev, V.D. et al. *Granitsy i markery sotsial'noy stratifikatsii Rossii XVII–XX vv.: vektory issledovaniya* [Borders and Markers of Social Stratification of Russia in the 17th–20th Centuries: Research Vectors]. St. Petersburg: Aleteyya. pp. 265–314.
14. Voronina, T. (2021) Sovetskiy Krasnyy Krest i bor'ba za "novyy sovetskiy byt" v 1930-e gg. [The Soviet Red Cross and the Struggle for a "New Soviet Way of Life" in the 1930s]. *Istoriya povsednevnosti*. [Online] Available from: <http://www.el-history.ru/node/328> (Accessed: 22.05.2021).
15. Grombakh, V.A. (1929) *Kak trudyashchimsya borot'sya za zdorovye nervy: (Psikhogigiena i psikhoprofilaktika truda i byta)* [How Workers Should Fight for Healthy Nerves: (Psychohygiene and Psychoprophylaxis of Labor and Life)]. Moscow: Izd-vo Moszdrazvotdela.
16. Mol'kov, A.V. (ed.) (1930). *Darginty* [Dargins]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe meditsinskoe izdatel'stvo.
17. Semashko, N.A. (ed.). (1927) *Desyat' let Oktyabrya i sovetskaya meditsina (1917–1927 gg.)* [Ten Years of the October Revolution and Soviet Medicine (1917–1927)]. Moscow: People's Commissariat of Health of the RSFSR.
18. Eremeeva, A. (2020) Obshchiy vrag krasnykh i belyykh – tif [Typhus: The Common Enemy of the Reds and the Whites]. *Rodina*. 6. pp. 126–129.

26. Кукуй И. Ничевоки России – Дада Запада, или Диктатура ничевочества над искусствами // *Revolution und Avantgarde / Anke Niederbudde, Nora Scholz (ed.)* Berlin: Frank and Timme Verlag, 2018. S. 209–222.
27. Лавров А. В. С. Заяицкий – корреспондент Максимилиана Волошина // *Toronto Slavic Quarterly*. 2012. № 40. P. 182–205.
28. Лапин К. В. Санитарное просвещение: руководство по организации и методике санитарного просвещения для среднего медицинского персонала / в обраб. Ф. Ю. Бермана; под общ. ред. С. Н. Волконской. М.; Л.: Гос. мед. изд-во, 1932.
29. Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии, 1920–1930 гг. СПб.: Журнал «Нева», 1999.
30. Манышев С. Б. Мать и дитя в ранней советской политике: случай Дагестана // *Журнал исследований социальной политики*. 2019. Т. 17. № 1. С. 75–88.
31. Массовая санитарно-культурная работа на предприятии (в помощь врачу здравпункта) / под ред. И. Липковича и др. Л.: Дом санитарной культуры Ленздравотдела, 1933.
32. Мороз А. И., Мороз В. В. Деятельность Забайкальского губернского отдела здравоохранения по санитарному просвещению в 1923–1926 гг. // *История медицины*. 2019. № 3. С. 181–188.
33. Некрылова А. Ф. Вклад И. П. Еремина в изучение восточнославянского народного театра кукол // *Русская литература*. 2015. № 2. С. 104–113.
34. Нестеренко А. И. Санитарное просвещение в РСФСР. Становление и начальный период развития (1917–1921 гг.). / ред. Л. С. Боголепова. М.: б. и., 1971.
35. Новикова И. Театр санитарного просвещения [Электронный ресурс] // Российский государственный архив научно-технической документации. URL: <https://rgantd.ru/arh-docs/vov/teatr-sanitarnogo-prosveshcheniya/> (дата обращения: 27.05.2021).
36. Огудин В. А. Аторры – аптекари народной медицины мусульманского Востока // *Этнографическое обозрение*. 2001. № 9–10. С. 112–130.
37. Очерки по истории советского санитарного просвещения / под ред. И. С. Соколова. М.: б. и., 1960.
38. Пашков К. А., Салакс Ю. М., Бергер Е. Е., Чиж Н. В. Тексты в экспозициях медицинского музея М.: Моск. гос. мед.-стоматолог. ун-т, 2017.
39. Пашков К. А., Бергер Е. Е., Турская М. С., Слышкин Г. Г., Чиж Н. В. Игры по истории медицины. М.: Моск. гос. мед.-стоматолог. ун-т, 2020.
40. Пашков К. А., Дмитриев А. Н. Последний царский министр: Н. К. Кульчицкий (1856–1925) между наукой и политикой // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2021. Т. 29. № 3. С. 553–559.
41. Первое Всероссийское совещание по санитарному просвещению / под ред. Л. М. Исаева. Смоленск: Гос. изд-во, 1922.
42. Полинский Б. Санитарное просвещение как метод антирелигиозной пропаганды. Харьков: Научная мысль, 1930.
43. Посадский А. В. Медицина Белого Юга в Гражданской войне: структуры, решения, повседневность // *Новейшая история России*. 2020. Т. 10. № 31. С. 315–329.
44. Ershov, V.S. (1949) *Dom sanitarnogo prosveshcheniya i ego rabota* [House of Sanitary Enlightenment and Its Work]. Moscow: Institute of Sanitary Enlightenment.
45. Zhitomirskiy, V. & Ostrovskiy, A. (1926) *Sem' zaraz ub'em zaraz: sanitarnyy lubok v 2-kh kartinakh* [Let's Kill Seven Plagues at a Time: A Sanitary Lubok in 2 Pictures]. Moscow: Zhizn' i znanie.
46. Zil'ber, L.A. (1966) Operatsiya "Ruda" [Operation "Ore"]. *Nauka i zhizn'*. 12. pp. 55–63.
47. Ignatova, A.I. (2018) *Novye arkhivnye materialy k biografii S.N. Volkonskoy – osnovatelya i pervogo direktora Moskovskogo oblastnogo instituta sanitarnoy kul'tury* [New Archival Materials for the Biography of S.N. Volkonskaya, the Founder and First Director of Moscow Regional Institute of Sanitary Culture]. *Institut istorii estestvoznaniya i tekhniki im. S. I. Vavilova* [Institute of the History of Natural Science and Technology Named After S.N. Volkonskaya]. Conference Proceedings. Moscow. 19–23 March 2018. Moscow: Yanus-K. pp. 111–114. (In Russian).
48. Idzon, M. (1930) "Dyadya Sanprosvet idet..." ["Uncle Sanitary Enlightenment Is Coming ..."]. *Ogonek*. 10 March. 7. p. 13.
49. Mol'kov, A.V. (ed.) (1928). *Kalmyki. Issledovanie sanitarnogo sostoyaniya i zapasa zhiznennykh sil* [The Kalmyks. Investigation of the Sanitary State and Vitality Reserve]. Moscow; Leningrad: Gosizdat.
50. Kirik, Yu.V., Ratmanov, P.E. & Shenoeva, P.A. (2020) Institutionalization of Social Hygiene in Soviet Russia in the 1920-1930s In the International Context. *Dal'nevostochnyy meditsinskiy zhurnal*. 1. pp. 85–94. (In Russian).
51. Kukuy, I. (2018) *Nichevoki Rossii – Dada Zapada ili Diktatura nichevochestva nad iskusstvami* [Russian Nichevoki – Western Dada, or the Dictatorship of Nichevoki Over the Arts]. In: Niederbudde, A. & Scholz, N. (eds) *Revolution und Avantgarde* [Revolution and Avant-Garde]. Berlin: Frank and Timme Verlag. pp. 209–222.
52. Lavrov, A.V. (2012) S. Zayaitskiy – korrespondent Maksimiliana Voloshina [S. Zayitsky, the Correspondent of Maximilian Voloshin]. *Toronto Slavic Quarterly*. 40. pp. 182–205.
53. Lapin, K.V. (1932) *Sanitarnoe prosveshchenie: rukovodstvo po organizatsii i metodike sanitarnogo prosveshcheniya dlya srednego meditsinskogo personala* [Sanitary Enlightenment: A Guide to the Organization and Methods of Sanitary Enlightenment for Nurses]. Moscow; Leningrad: Gos. med. izd-vo.
54. Leбина, N.B. (1999) *Povsednevnyaya zhizn' sovetskogo goroda: normy i anomalii, 1920–1930 gg.* [Everyday Life of a Soviet City: Norms and Anomalies, 1920–1930]. St. Petersburg: Zhurnal "Neva".
55. Manyshchev, S.B. (2019) Mother and Child in Early Soviet Social Policy: The Case of Dagestan. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki – The Journal of Social Policy Studies*. 17 (1). pp. 75–88. (In Russian). DOI: 10.17323/727-0634-2019-17-1-75-88
56. Lipkovich, I. et al. (eds) (1933) *Massovaya sanitarno-kul'turnaya rabota na predpriyatii: (v pomoshch' vrachu zdravpunkta)* [Mass Sanitary and Cultural Work at the Enterprise: (Helping the Doctor of a Health Center)]. Leningrad: Dom sanitarnoy kul'tury Lenzdravotdela.
57. Moroz, A.I. & Moroz, V.V. (2019) *Deyatel'nost' Zabaykal'skogo gubernskogo otdela zdravookhraneniya po*

44. Ранов А., Рок Р., Сухаребский Л. Вам (От ничевоков чтение) / ред. Л. М. Сухаребского. М.: Хобо, 1920.
45. Ранов А. И. Театр санпросвета на Украине. Харьков: Научная мысль, 1930.
46. Ранов А. И. Страж здоровья: Из истории санитарно-эпидемиологической службы Курганской области. Челябинск: Южно-Уральское книжное изд-во, 1968.
47. Ранов А. Немного о ничевоках // *Revolution und Avantgarde* / A. Niederbudde, N. Scholz (ed.) Berlin: Frank and Timme Verlag, 2018. S. 218–226.
48. Санитарная культура / под ред. С. Н. Волконской и М. С. Лебединского. М.: Изд-во Мособлсполкома, 1931.
49. Сборник сценических материалов по санпросветработе: Сценические проработки Дома санитарного просвещения Н.К.З. Грузии. Сезон 1923–24. Тифлис: Санпросвет-подотдел народного комиссариата здравоохранения Грузии, 1924.
50. Сейфулмулюков И. К. Санитарное просвещение среди коренного населения Узбекистана: (Материалы к истории возникновения и развития Санпросвета среди коренных национальностей Средней Азии). Ташкент: б. и., 1929.
51. Сейфулмулюков И. К. вопросу о табибизме в Узбекистане // *Медицинская мысль Узбекистана*. 1928. № 9–10. С. 63–71.
52. Сироткина И. Е. Психопатология и политика: становление идей и практик психогигиены в России // *Вопросы истории естествознания и техники*. 2000. № 1. С. 154–177.
53. Сталь Е. Живой журнал по санпросвету / ред. А. И. Ранова. Харьков: Научная мысль, 1929.
54. Старый и новый быт: сб. / под ред. проф. В. Г. Тана-Богораза. Л.: Госиздат, 1924.
55. Страшун И. Д. Десять лет Октября и десять лет санитарного просвещения. Свет и тени // *Гигиена и эпидемиология*. 1927. № 10. С. 66–75.
56. Страшун И. Д. Русская общественная медицина в период между двумя революциями (1907–1917). М.: Медицина, 1964.
57. Сухаребский Л. М. Обзор санпросветительных кинофильмов за 10 лет пролетарской революции (1917–1927). М.: Мосздравотдел, 1928.
58. Телков Б. Н. Сохранить здоровье народа! История санитарно-эпидемиологической службы Свердловской области. Екатеринбург: б. и., 2012.
59. Трахтман Я. Н. Санитарное просвещение в отрывках художественной литературы. М.: Изд-во Наркомздрава РСФСР, 1928.
60. Трахтман Я. Н. К методике изучения санитарной грамотности населения // *Гигиена и эпидемиология*. 1929. № 6. С. 52–58.
61. Трахтман Я. Н. Опыт изучения санитарной грамотности домашних хозяек // *Социальная гигиена*. 1930. № 1–2. С. 90–102.
62. Указатель литературы за 1917–1947 гг. по вопросам санитарного просвещения: (Организация, содержание и методика) / Сост. И. Н. Яковлев. М.: Центр. ин-т сан. просвещения, 1949.
63. Утенков М. Д. Знахарство – дебри тьмы // Цехновицер О. В., Еремин И. П. Театр Петрушки. М.; Л.: Госизд-во, 1927. С. 154–163.
- sanitarnomu prosveshcheniyu v 1923–1926 gg. [Activity of the Trans-Baikal Provincial Health Department on Sanitary Enlightenment in 1923–1926]. *Istoriya meditsiny*. 3. pp. 181–188.
33. Nekrylova, A.F. (2015) I.P. Yerebin's Contribution to the Studies of Eastern Slavic Folk Puppet Theater. *Russkaya literature – Russian Literature*. 2. pp. 104–113.
34. Nesterenko, A.I. (1971) *Sanitarnoe prosveshchenie v RSFSR. Stanovlenie i nachal'nyy period razvitiya. (1917–1921 gg.)* [Sanitary Enlightenment in the RSFSR. Formation and Initial Period of Development. (1917–1921)]. Moscow: [s.n.].
35. Novikova, I. (2015) *Teatr sanitarnogo prosveshcheniya* [Theater of Sanitary Enlightenment]. [Online] Available from: <https://rgantd.ru/arh-docs/vov/teatr-sanitarnogo-prosveshcheniya/> (Accessed: 27.05.2021).
36. Ogudin, V. (2001) *Attory – aptekari narodnoy meditsiny musul'manskogo Vostoka* [Attors – Pharmacists of Traditional Medicine of the Muslim East]. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 9–10. pp. 112–130.
37. Sokolov, I.S. (ed.) (1960) *Ocherki po istorii sovetskogo sanitarnogo prosveshcheniya* [Essays on the History of Soviet Sanitary Enlightenment]. Moscow: [s.n.].
38. Pashkov, K.A., Salaks, Yu.M., Berger, E.E. & Chizh, N.V. (2017) *Teksty v ekspozitsiyakh meditsinskogo muzeya* [Texts in the Expositions of the Medical Museum]. Moscow: Moscow State University of Medicine and Dentistry.
39. Pashkov, K.A., Berger, E.E., Tutorskaya, M. S., Slyshkin, G.G. & Chizh, N.V. (2020) *Igry po istorii meditsiny* [Games on the History of Medicine]. Moscow: Moscow State University of Medicine and Dentistry.
40. Pashkov, K.A. & Dmitriev, A.N. (2021) The Last Tsarist Minister N. K. Kulchickiy (1856–1925): In Between Science and Politics. *Problemy sotsial'noy gigieny, zdavookhraneniya i istorii meditsiny – Problems of Social Hygiene, Public Health and the History of Medicine*. 29 (3). pp. 553–559. (In Russian).
41. Isaev, L.M. (ed.) (1922) *Pervoe Vserossiyskoe soveshchanie po sanitarnomu prosveshcheniyu* [The First All-Russian Meeting on Sanitary Enlightenment]. Smolensk: Gos. izd-vo.
42. Polinskiy, B. (1930) *Sanitarnoe prosveshchenie, kak metod antireligioznoy propagandy* [Sanitary Enlightenment as a Method of Anti-Religious Propaganda]. Kharkiv: Nauchnaya mysl'.
43. Posadskiy, A.V. (2020) Medicine in the White South during the Russian Civil War: Structures, Solutions, Everyday Life. *Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 10 (31). pp. 315–329. (In Russian). DOI: 10.21638/11701/spbu24.2020.203
44. Ранов А., Рок Р. & Сухаребский Л. (1920) *Vam (Ot nichevokov chtenie)* [To You (Reading From Nichevoki)]. Moscow: Khobo.
45. Ранов А. (1930) *Teatr sanprosveta na Ukraine* [Theater of Sanitary Enlightenment in Ukraine]. Kharkiv: Nauchnaya mysl'.
46. Ранов, А.И. (1968) *Strazh zdorov'ya: Iz istorii sanitarno-epidemiologicheskoy sluzhby Kurganskoy oblasti* [Guardian of Health: From the History of the Sanitary and Epidemiological Service of Kurgan Oblast]. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo.
47. Ранов, А. (2018) *Nemnogo o nichevokakh* [A Little About the Nichevoki]. In: Niederbudde, A. & Scholz, N. (eds)

64. Фролова Ю. Г. От «санитарной обороны» к «личной профилактике»: исторический контекст развития отечественной психологии здоровья // *Философия и социальные науки* (Минск). 2009. № 3. С. 97–101.
65. Шаламов В. А. Санитарное просвещение Сибири в 1920–1930-е годы // *Сибирский медицинский журнал* (Иркутск). 2013. № 2. С. 120–122.
66. Шерстнева Е. В., Егорышева И. В., Гончарова С. Г. *Медицина городских общественных самоуправлений в России*. М.: Шико, 2017.
67. Шерстнева Е. В. Организация санитарного просвещения населения в первые годы советской власти // *Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко*. 2015. № 7. С. 121–125.
68. Шишкин А. П. Государственный институт социальной гигиены НКЗ РСФСР и его роль в развитии социальной гигиены, 1919–1934 гг.: автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 1970.
69. Шоломович А. С. *Детский поход на взрослых / под ред. Санпросвета Мосздравотдела*. М.: Мосздравотдел, 1926.
70. Энгельштейн Л. *Ключи счастья. Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX–XX веков*. М.: Терра, 1996.
71. Яковенко В. А. *Здоровье населения и социальная стратификация в публицистике Н. А. Семашко (1918–1928 гг.) // Россия и современный мир*. 2020. № 3. С. 191–203.
72. Beer D. *Renovating Russia: The human sciences and the fate of liberal modernity, 1880–1930*. Ithaca: Cornell University Press, 2008.
73. Kosenko O., Polianski I. J. *Der Tanz der kleinen Spirochäten // Der Urologe*. 2021. T. 60. № 5. С. 628–639. <https://doi.org/10.1007/s00120-020-01133-9>
74. Kremontsov N. L. *Revolutionary experiments: the quest for immortality in Bolshevik science and fiction*. Oxford: Oxford University Press, 2014.
75. Mogilner M. *Toward a History of Russian Jewish “Medical Materialism”: Russian Jewish Physicians and the Politics of Jewish Biological Normalization // Jewish Social Studies: History, Culture, Society*. 2012. Vol. 19. № 1. С. 70–106. <https://doi.org/10.2979/JEWISOCISTUD.19.1.70>
76. Pawley S. *Revolution in health: nervous weakness and visions of health in revolutionary Russia, c. 1900–31 // Historical Research*. 2017. T. 90. № 247. С. 191–209. <https://doi.org/10.1111/1468-2281.12169>
77. Polianski I. J., Kosenko O. *Nervosität und theatrale Hygieneaufklärung im Sowjetrußland der 1920–30er Jahre // Berichte zur Wissenschaftsgeschichte*. 2020. T. 43. № 3. S. 430–456. <https://doi.org/10.1002/bewi.202000008>
78. Polianski I. J., Kosenko O. *The «proletarian disease» on stage Theatrical anti-tuberculosis propaganda in the early Soviet Union // Microbes and Infection*. 2021. <https://doi.org/10.1016/j.micinf.2021.104838>
79. Polianski I. J., Tutorskaya M., Kosenko O. *«Sieben Plagen auf einmal schlagen» – Theatrale Hygienepropaganda und Infektionskrankheiten in der Sowjetunion der 1920-er-40-er Jahre // Berichte zur Wissenschaftsgeschichte*. 2021. T. 44. № 1. S. 44–73. <https://doi.org/10.1002/bewi.202000028>
80. Solomon S. G. *Social Hygiene and Soviet Public Health, 1921–1930 // Health and Society in Revolutionary Revolution und Avantgarde [Revolution and Avant-Garde]*. Berlin: Frank and Timme Verlag. pp. 218–226.
48. Volkonskaya, S.N. & Lebedinskiy, M.S. (eds) (1931) *Sanitarnaya kul'tura [Sanitary Culture]*. Moscow: Izd-vo Mosoblspolkoma.
49. Sanitary Enlightenment-Subdivision of the People's Commissariat of Health of Georgia. (1924) *Sbornik stenicheskikh materialov po sanprosvetrabote: Stsenicheskie prarabotki Doma sanitarnogo prosveshcheniya N.K.Z. Gruzii. Sezon 1923–24 [Collection of Stage Materials on Sanitary Enlightenment: Stage Studies of the House of Sanitary Enlightenment of the People's Commissariat of Health of Georgia. Season 1923–24]*. Tiflis: Sanitary Enlightenment-Subdivision of the People's Commissariat of Health of Georgia.
50. Seyful'mulyukov, I.K. (1929) *Sanitarnoe prosveshchenie sredi korennoy naseleniya Uzbekistana: (Materialy k istorii vozniknoveniya i razvitiya Sanprosveta sredi korennykh natsional'nostey Sredney Azii) [Sanitary Enlightenment Among the Indigenous Population of Uzbekistan: (Materials on the History of the Emergence and Development of Sanitary Enlightenment Among the Indigenous Peoples of Central Asia)]*. Tashkent: [s.n.].
51. Seyful'mulyukov, I. (1928) *K voprosu o tabibizme v Uzbekistane [On the Issue of Tabibism in Uzbekistan]*. *Meditsinskaya mysl' Uzbekistana*. 9–10. pp. 63–71.
52. Sirotkina, I.E. (2000) *Psikhopatologiya i politika: stanovlenie idey i praktik psikhogigieny v Rossii [Psychopathology and Politics: The Formation of Ideas and Practices of Psychohygiene in Russia]*. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*. 1. pp. 154–177.
53. Stal', E. (1929) *Zhivoy zhurnal po sanprosvetu [Live Journal on Sanitary Enlightenment]*. Kharkiv: Nauchnaya mysl'.
54. Tan-Bogoraz, V.G. (ed.) (1924) *Staryy i novyy byt [Old and New Life]*. Leningrad: Gosizdat.
55. Strashun, I.D. (1927) *Desyat' let Oktyabrya i desyat' let sanitarnogo prosveshcheniya. Svet i teni [Ten Years of the October Revolution and Ten Years of Sanitary Enlightenment. Light and Shadows]*. *Gigiena i epidemiologiya*. 10. pp. 66–75.
56. Strashun, I.D. (1964) *Russkaya obshchestvennaya meditsina v period mezhdu dvumya revolyutsiyami (1907–1917) [Russian Public Medicine in the Period Between Two Revolutions (1907–1917)]*. Moscow: Meditsina.
57. Sukharebskiy, L.M. (1928) *Obzor sanprosvetitel'nykh kinofil'mov za 10 let proletarskoy revolyutsii (1917–1927) [Review of Films on Sanitary Enlightenment for the 10 Years of the Proletarian Revolution (1917–1927)]*. Moscow: Moszdrazvotdel, 1928.
58. Telkov, B.N. (2012) *Sokhranit' zdorov'e naroda! Istoriya sanitarno-epidemiologicheskoy sluzhby Sverdlovskoy oblasti [Save the Health of the People! The History of the Sanitary and Epidemiological Service of Sverdlovsk Oblast]*. Yekaterinburg: [s.n.].
59. Trakhtman, Ya.N. (1928) *Sanitarnoe prosveshchenie v otryvkakh khudozhestvennoy literatury [Sanitary Enlightenment in Fragments of Fiction]*. Moscow: People's Commissariat of Health of the RSFSR.
60. Trakhtman, Ya.N. (1929) *K metodike izucheniya sanitarnoy gramotnosti naseleniya [On the Method of Studying the Sanitary Literacy of the Population]*. *Gigiena i epidemiologiya*. 6. pp. 52–58.

Russia / eds. S. G. Solomon, J. F. Hutchinson. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1990. P. 175–199.

81. Solomon S. G. The expert and the state in Russian public health: continuities and changes across the revolutionary divide // *The History of Public Health and the Modern State* / D. Porter (ed.) Amsterdam: Rodopi, 1994. P. 183–223.

82. Solomon S. G. The Limits of Government Patronage of Sciences: Social Hygiene and the Soviet State, 1920–1930 // *Social History of Medicine*. 1990. Vol. 3. P. 405–435.

83. *Soviet medicine: Culture, practice, and science* / Ed. by Bernstein F. L., Burton C., Healey D. DeKalb: Northern Illinois university press, 2010.

84. Starks T. *The Body Soviet: Propaganda, Hygiene, and the Revolutionary State*. Madison: The University of Wisconsin Press, 2008.

85. Sumpf A. *Bolcheviks en campagne. Paysans et éducation politique dans la Russie des années 1920*. Paris: CNRS Éditions, 2010.

86. Tetzner T. *Der kollektive Gott: Zur Ideengeschichte des 'Neuen Menschen' in Russland*. Göttingen: Wallstein Verlag, 2013.

61. Trakhtman, Ya.N. (1930) Opyt izucheniya sanitarnoy gramotnosti domashnikh khozyaek [Experience of Studying the Sanitary Literacy of Housewives]. *Sotsial'naya gigiena*. 1–2. pp. 90–102.

62. Yakovlev, I.N. (1949) *Ukazatel' literatury za 1917–1947 gg. po voprosam sanitarnogo prosveshcheniya: (Organizatsiya, sodержanie i metodika)* [Index of Literature on Sanitary Enlightenment for 1917–1947: (Organization, Content and Methodology)]. Moscow: Central Institute of Sanitary Enlightenment.

63. Utenkov, M.D. (1927) *Znakharstvo – debri t'my* [Witchcraft Medicine – The Wilds of Darkness]. In: Tsekhnovitser, O.V. & Eremin, I.P. *Teatr Petrushki* [Petrushka Theater]. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo. pp. 154–163.

64. Frolova, Yu.G. (2009) Ot “sanitarnoy oborony” k “lichnoy profilaktike”: istoricheskiy kontekst razvitiya otechestvennoy psikhologii zdorov'ya [From “Sanitary Defense” to “Personal Prevention”: The Historical Context of the Development of National Health Psychology]. *Filosofiya i sotsial'nye nauki* (Minsk). 3. pp. 97–101.

65. Shalamov, V.A. (2013) Sanitary Education in Siberia in the 1920s–1930s. *Sibirskiy meditsinskiy zhurnal – Siberian Medical Journal* (Irkutsk). 2. pp. 120–122. (In Russian).

66. Sherstneva, E.V., Egorysheva, I.V. & Goncharova, S.G. (2017) *Meditsina gorodskikh obshchestvennykh samoupravleniy v Rossii* [Medicine of Urban Public Self-Governing Bodies in Russia]. Moscow: Shiko.

67. Sherstneva, E.V. (2015) Organization of Population Sanitary Education in the First Years of Soviet Power. *Byulleten' Natsional'nogo nauchno-issledovatel'skogo instituta obshchestvennogo zdorov'ya imeni N.A. Semashko*. 7. pp. 121–125. (In Russian).

68. Shishkin, A.P. (1970) Gosudarstvennyy institut sotsial'noy gigieny NKZ RSFSR i ego rol' v razvitiy sotsial'noy gigieny, 1919–1934 gg. [The State Institute of Social Hygiene of the People's Health Commissariat of the RSFSR and Its Role in the Development of Social Hygiene, 1919–1934]. Abstract of Medicine Cand Diss. Moscow.

69. Sholomovich, A.S. (1926) *Detskiy pokhod na vzroslykh* [Children's Campaign on Adults]. Moscow: Moscow Health Department.

70. Engel'shteyn, L. (1996) *Klyuchi schast'ya. Seks i poiski putey obnovleniya Rossii na rubezhe XIX–XX vekov* [Keys of Happiness. Sex and the Search for Ways to Renew Russia at the Turn of the 20th Century]. Moscow: Terra.

71. Yakovenko, V.A. (2020) The Health of Population and Social Stratification in N.A. Semashko's Publicistic Writing (1918–1928). *Rossiya i sovremennyy mir – Russia and the Contemporary World*. 3. pp. 191–203. (In Russian).

72. Beer, D. (2008) *Renovating Russia: The Human Sciences and the Fate of Liberal Modernity, 1880–1930*. Ithaca: Cornell University Press.

73. Kosenko, O. & Polianski, I.J. (2021) Der Tanz der kleinen Spirochäten [The Dance of the Little Spirochetes]. *Der Urologe*. 60 (5). pp. 628–639. DOI: 10.1007/s00120-020-01133-9

74. Kremontsov, N.L. (2014) *Revolutionary Experiments: The Quest for Immortality in Bolshevik Science and Fiction*. Oxford: Oxford University Press.

75. Mogilner, M. (2012) Toward a History of Russian Jewish “Medical Materialism”: Russian Jewish Physicians and the Politics of Jewish Biological Normalization. *Jewish Social*

Studies: History, Culture, Society. 19 (1). pp. 70–106. DOI: 10.2979/JEWISOCISTUD.19.1.70

76. Pawley, S. (2017) Revolution in health: nervous weakness and visions of health in revolutionary Russia, c. 1900–31. *Historical Research*. 90 (247). pp. 191–209. DOI: 10.1111/1468-2281.12169

77. Polianski, I.J. & Kosenko, O. (2020) Nervosität und theatrale Hygieneaufklärung im Sowjetrusland der 1920–30er Jahre [Nervousness and theatrical hygiene education in Soviet Russia in the 1920–30s]. *Berichte zur Wissenschaftsgeschichte*. 43 (3). pp. 430–456. DOI: 10.1002/bewi.202000008

78. Polianski, I.J. & Kosenko, O. (2021) The “proletarian disease” on stage Theatrical anti-tuberculosis propaganda in the early Soviet Union. *Microbes and Infection*. DOI: 10.1016/j.micinf.2021.104838

79. Polianski, I.J., Tutorskaya, M. & Kosenko, O. (2021) “Sieben Plagen auf einmal schlagen” – Theatrale Hygienepropaganda und Infektionskrankheiten in der Sowjetunion der 1920-er–40-er Jahre [“Beat seven plagues at once” – Theatrical hygiene propaganda and infectious diseases in the Soviet Union in the 1920s–40s]. *Berichte zur Wissenschaftsgeschichte*. 44 (1). pp. 44–73. DOI: 10.1002/bewi.202000028

80. Solomon, S.G. (1990) Social Hygiene and Soviet Public Health, 1921–1930. In: Solomon, S.G. & Hutchinson, J.F. (eds) *Health and Society in Revolutionary Russia*. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press. pp. 175–199.

81. Solomon, S.G. (1994) The expert and the state in Russian public health: continuities and changes across the revolutionary divide. In: Porter, D. (ed.) *The History of Public Health and the Modern State*. Amsterdam: Rodopi. pp. 183–223.

82. Solomon, S.G. (1990) The Limits of Government Patronage of Sciences: Social Hygiene and the Soviet State, 1920–1930. *Social History of Medicine*. 3. pp. 405–435.

83. Bernstein, F.L., Burton, C. & Healey, D. (eds) (2010) *Soviet Medicine: Culture, Practice, and Science*. DeKalb: Northern Illinois University Press.

84. Starks, T. (2008) *The Body Soviet: Propaganda, Hygiene, and the Revolutionnary State*. Madison: The University of Wisconsin Press.

85. Sumpf, A. (2010) *Bolcheviks en campagne. Paysans et éducation politique dans la Russie des années 1920* [Bolsheviks in the countryside. Peasants and political education in Russia in the 1920s]. Paris: CNRS Éditions.

86. Tetzner, T. (2013) *Der kollektive Gott: Zur Ideengeschichte des ‘Neuen Menschen’ in Russland*. Göttingen: Wallstein Verlag.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Дмитриев, А. Н. Красный санпросвет: медицина, культура, общество в 1920-е годы / А. Н. Дмитриев, К. А. Пашков, О. Р. Паренькова // Наследие веков. – 2021. – № 3. – С. 14–30. DOI: 10.36343/SB.2021.27.3.001

Full bibliographic reference to the article:

Dmitriev, A.N., Pashkov, K.A. & Paren'kova, O.R. (2021) Red Sanitary Enlightenment: Medicine, Culture and Society during the 1920s. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 3. pp. 14–30. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2021.27.3.001